

УДК
ББК

Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. Сборник статей / Под ред. О.В. Федоровой и А.А. Кибрика. – М., 2014. – 174 стр.

Оригинал-макет и оформление обложки – Кс.П. Семёнова

ISBN

Сборник содержит расширенные тексты докладов, представленных на семинаре «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования», который прошел 15 ноября 2013 года в Институте языкознания РАН. Сборник адресован лингвистам, психологам, а также всем, кого интересует мультимодальная лингвистика.

Сборник подготовлен при поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Корпусная лингвистика»

Материалы сборника будут позже доступны в электронном виде на сайте
Центра когнитивных исследований филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова <http://www.philol.msu.ru/~ccs/ru/>

ISBN

© Коллектив авторов, 2014

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СЛОВА, ЕЕ СТРУКТУРЕ И МЕХАНИЗМАХ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Д. Кошелев
(*koshelev47@gmail.com*)

В статье предпринята попытка построить теорию лексической полисемии, которая удовлетворяет двум «междисциплинарным» требованиям: а) объясняет механизмы микро-диахронии (образование и изменение) многозначности и б) описывает процессы онтогенеза многозначности (как она возникает у ребенка, осваивающего родной язык). Логика статьи следующая. Сначала я кратко рассмотрю три семантические теории: две современные — подход МСШ и радиальную категорию Дж. Лакоффа — и «традиционную» теорию, идущую из античности и средних веков в XX век (А.С. Шишков, Г. Пауль, Р. Якобсон, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев). А затем дополню традиционную теорию несколькими когнитивными положениями и покажу, что в такой обновленной когнитивно-лингвистической версии она обретает требуемую объяснительную силу.

Как известно, языковые единицы многозначны — это универсальное, а может быть, и характеристическое свойство человеческого языка. Семантической категорией языковой единицы принято называть множество ее значений. В частности, семантическая категория слова это множество его лексических значений. Мы расширим это понятие, добавив к узальным значениям слова и все множество его возможных окказиональных употреблений. Тем самым множество значений слова становится потенциально бесконечным.

В настоящее время существует несколько теорий лексической полисемии и каждая из них по-своему описывает это явление. Я рассмотрю три теории: традиционную и две современные: МСШ и Дж. Лакоффа.

1. Традиционная лексикология. Я рассмотрю традиционную теорию подробнее, чем обе современные теории, поскольку считаю ее правильной и постараюсь далее продвинуться в ее развитии, опираясь на данные когнитивного характера. Традиционной я ее называю потому, что она восходит к античности, к трудам Аристотеля, проходит через все средневековье (Ансельм Кентерберийский и др.), получает развитие в Европе (А.С. Шишков, Г. Пауль и др.). С середины 1930-х годов сход-

ная трактовка многозначности слова разрабатывалась Р. Якобсоном и Е. Куриловичем, а в 1950-х годах — В.В. Виноградовым (Виноградов 1977). Позднее эта лексикографическая концепция нашла продолжение в трудах Д.Н. Шмелева (Шмелев 1977). В какой-то мере к ней близки работы Дж. Лакоффа (Norvig and Lakoff 1987; Brugman and Lakoff 1988)¹.

Дадим концентрированное изложение традиционного подхода, дополнив его некоторыми соображениями когнитивного характера (подробнее о нем см. Кошелев 2011: 695—705). Центральный его тезис очень прост: у слова имеется одно основное, или исходное значение, которое представляет нечто реальное, доступное непосредственному восприятию человека. Это не только предмет, элемент ландшафта или действие, но и состояние, чувство и пр. Акад. В.В. Виноградов писал: «Обозначая явление, предмет, слово (в основном значении. — А.К.) отражает понимание „кусочка действительности“ и его отношений к другим элементам той же действительности» (Виноградов 1977: 163).

Все же остальные значения слова являются производными от основного, или переносными. Это, главным образом, метафоры и метонимии, образованные на базе основного значения. В итоге система лексических значений слова имеет вид цветка, ромашки: в центре находится основное, или исходное значение, а от него в разные стороны отходят лепестки — переносные (метафорические и метонимические) значения. Тем самым оказывается, что переносные значения оказываются связанными только с основным значением (но не друг с другом), причем не семантически — наличием «семантических мостиков», т. е. общих компонентов, а генетически — механизмом порождения (мы берем простейший, радиальный случай, не учитывающий цепочечной многозначности). К ним присоединяются окказиональные употребления слова, т. е. его нетипичные, индивидуальные переносные значения.

Возьмем для примера любое самое простое слово, скажем, слово тарелка. Заглянув в толковый словарь, мы сразу же убедимся в наличии у него нескольких значений.

---

¹ Пожалуй, с наибольшей полнотой, хотя и весьма лаконично, эта традиционная точка зрения изложена в курсе общего языкознания Маслов 1987: 101—106, в разделе, посвященном лексической полисемии. Здесь упомянуты все три типа значения слова: основное, переносные и окказиональные («мимолетные»), см. также Реформатский 1996: 44—48. Но уже в более позднем учебнике Шайкевич 2005: 141—154, наряду с традиционной, дается и современное понимание основного, или исходного значения как «самого употребительного», см. ниже п. 2.

(1) ТАРЕЛКА

Основное значение.

1. 'Столовая посуда с плоским дном и приподнятыми краями' (МАС, Т. III: 341).

Переносные значения.

2. 'Плоская медная пластина ударного музыкального инструмента' (метафора);
3. 'Содержимое тарелки' (*Три тарелки съел* — метонимия);
4. 'Неопознанный летающий объект округлой формы' (*летающая тарелка* — метафора);
5. 'Спутниковая антенна в форме тарелки' (метафора);
6. 'Механическая деталь, имеющая вид плоского диска' (Тарелка клапана — метонимия).

К этим узуальным значениям (они фиксируются в словарях), прибавляется большое количество окказиональных («мимолетных», как называл их Ю.С. Маслов) употреблений: шляпу с плоскими краями можно назвать тарелкой, аналогичной формы абажур и т. д. Всю эту совокупность значений и употреблений слова тарелка мы и называем семантической категорией этого слова.

В когнитивном плане основное значение слова разумно представлять в виде пары составляющих: «видимый компонент (динамический визуальный образ „кусочка действительности“) — мыслимый компонент (функция, потенциальные возможности данного „кусочка действительности“ и пр.)». Но мы далее сосредоточим внимание лишь на его первом, видимом компоненте — динамическом визуальном образе (это фактически базовый концепт: общий образ + набор типичных действий с ним). Например, для слова тарелка этот образ (базовый концепт ТАРЕЛКА) будет складываться из набора «живых картинок» тарелки — видеоклипов, отражающих различные ситуации ее использования.

Тогда семантическую категорию слова тарелка можно изобразить так, как показано на рис. 1 (см. ниже).

Покажем теперь, что совершенно аналогичную структуру имеет и семантическая категория глагола. Рассмотрим для примера глагол *ударить*. В качестве исходного возьмем толкование Ю. Д. Апресяна, приведенное в Апресян 1974/1995: 108:

- (2) *X ударяет Y-а Z-ом* $\approx$ 'X резко и кратковременно приводит компактный предмет Z в контакт с предметом Y'.

С когнитивной точки зрения это толкование существенно неточно, поскольку не содержит второго, **главного** компонента значения, отражающего воздействие указанного контакта на Y. А именно: для неодушевленного предмета Y это: 'в результате контакта с Z-ом Y испытывает резкий толчок, т. е. из состояния покоя резко переходит в состояние сотрясения или движения', а для одушевленного Y-а это: 'в результате контакта с Z-ом Y испытывает резкий толчок и физическую боль'.

Указанная неточность незаметна, поскольку мы из опыта знаем, что при таком контакте Y получает толчок / сотрясение / боль. Но в толковании этот компонент должен присутствовать явно. Как мы покажем далее, именно он служит основой для многочисленных переносных значений данного глагола.

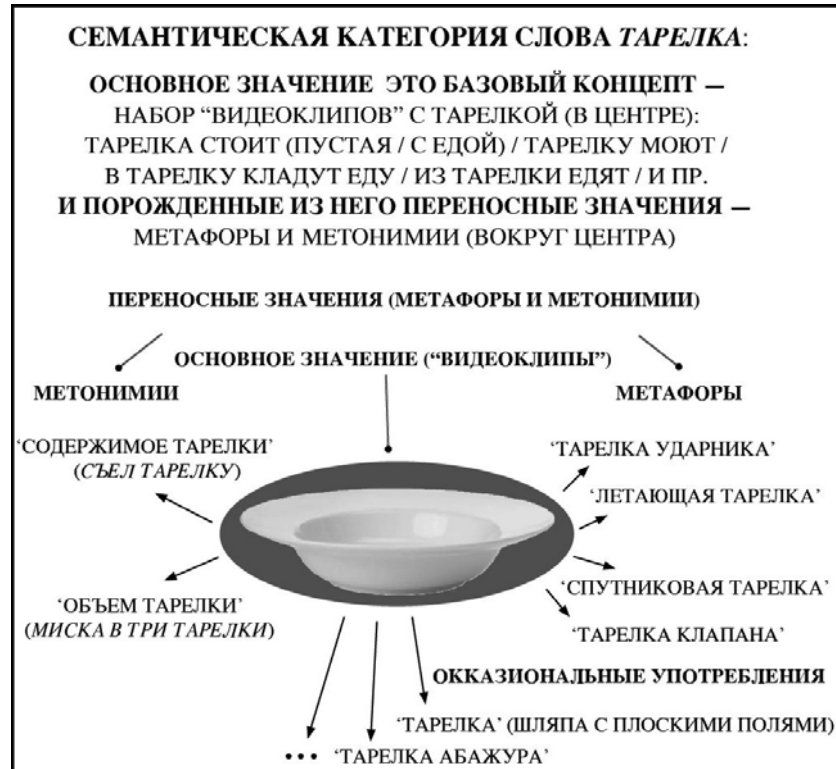

Рисунок 1. Семантическая категория слова *тарелка*.

Можно спросить: что же здесь когнитивного? Ответу так: анализ референтного действия. Дело в том, что с позиций языка элементарным является действие «ударить», описанное в (5) — референт переходного глагола *ударить*. А когнитивный анализ показывает, что это действие не элементарно и состоит из двух **элементарных действий** — мы их называем **элементарными событиями** (каждое из них происходит **только с одним предметом**). Первое действие-событие происходит с Z-ом — «он вступает в контакт с Y-ом», а второе действие-событие, каузально связанное с первым, происходит с Y-ом — «он резко переходит в состояние сотрясения / боли». В результате мы строго различаем два уровня представления действия: языковой, на котором глагол *ударить* называет в языковом плане элементарное действие: «X приводит в резкий контакт предмет Z с предметом Y» и когнитивный, на котором это референтное действие представлено как каузальная композиция двух действий, ср.:

(3а) Когнитивное действие «ударить» = действие-событие «предмет Z резко и кратковременно вступает в контакт с предметом Y (Y-ом)» ПРИЧИНА действия-события «Y резко переходит в состояние сотрясения (движения) / боли».

Поскольку удар может быть нанесен и без участия агенса X (*Ядро ударило в стену*), мы исключим X из описания, ограничившись лишь двумя непосредственными участниками удара: Z-ом и Y-ом. Кроме того, в описание, на наш взгляд, должна входить акустическая компонента удара — ‘громкий звук, сопровождающий описанный контакт Z-а с Y-ом’.

В итоге, получаем такое описание **основного** значения глагола *ударить*:

(3б) Z ударил Y-а / по Y-у / в Y-а (*Клюшка ударила Ивана / по забору / по шайбе / Ядро ударило в стену*) ≈ ‘Предмет Z резко и кратковременно вступает в контакт с предметом Y (или живым существом Y-ом) ПОЭТОМУ Y резко переходит в состояние сотрясения (движения) и боли, если Y — живое существо; этот переход часто сопровождается громким звуком’.

Однако само основное значение глагола *ударить* — это хранящийся в памяти носителя языка набор визуально-акустических клипов, фиксирующих различные виды ударов, вербально описанных посредством (3б).

Теперь, опираясь на представленное выше основное значение глагола *ударить*, постараемся объяснить все 10 его переносных значений, которые приведены в Словарь Ушакова, Т. IV: стб. 890-891. Структура объяснения такова: сначала дается толкование и примеры из Словаря, а затем наше объяснение.

1. 'Выстрелить по кому-чему-н.' *Он ударил первого бекаса слишком близко и промахнулся.* Л. Толстой. **Метонимия** (перенос по смежности). Глаголом *ударить* называется сам выстрел (громкий звук) и смежный с ним объект — бекас, по которому производился выстрел.
2. 'Ударами обозначить что-либо'. *Ударить отбой, Ударить тревогу.* **Метонимия** (перенос по смежности). Глаголом *ударить* называется сам удар и начало нового состояния, которое этот удар обозначает.
3. 'Начать делать что-н.'. *Ударить в весла. Ударить в смычки. Вторая рота ударила в штыки.* **Метафора.** Общий (мотивирующий) признак: резкий переход в новое состояние, возможно, сопровождаемый громким звуком.
4. 'Стремительно броситься, атаковать'. *Дружно ударить на врага.* То же, что и 3.
5. 'Попасть куда-нибудь'. *Пуля ударила в стену. Молния ударила в дерево.* **Метафора.** *Яркий день ударил по глазам матери.* **Метафора.** Глаза матери резко перешли в другое состояние, возможно, с ощущением боли.
6. 'Подействовать на что-н.'. *Множество одуряющих запахов ударило в нос.* В. Катаев. *Вино ударило в ноги.* **Метафора.** Резкий переход в новое, нестандартное состояние: нос раздражен запахами, ноги перестали слушаться.
7. 'Пресечь что-н. отрицательное'. *Ударить по бюрократизму.* **Метафора.** Осуществить действия, резко тормозящее бюрократизм (переход бюрократизма в новое состояние).
8. 'Причинить вред, ущерб кому-чему-н.'. *Дороговизна ударила по покупателю.* То же, что и 7.
9. 'Сделать что-н., заняться чем-н.' (простореч. фам.). *Ударить по водке (выпить). Ударить по селедке (съесть ее).* **Метафора.** Глаголом *ударить* переход к резко новому вкусовому ощущению. Ср. сомнительность фраз *Ударить по молоку / по каше.* Здесь нет такого резкого перехода к новому вкусовому ощущению.
10. *перен.* 'Настать, случиться'. *Ударил мороз. Ударила гроза.* **Метафора.** Резкая перемена погоды к необычному, «крайнему» состоянию.

Рассмотрим еще несколько метафорических употреблений. *Приклад резко ударил в плечо* (после выстрела) — здесь контакт приклада с плечом был и до удара, а удар был вызван резким повышением давления приклада в плечо, повлекшим его сотрясение. *Фонтан нефти ударил в*

небо; Вода ударила из крана. В этом случае удар (резкий толчок) получает нефть / вода (в результате резкого контактного давления на нее).

Рассмотрим еще слово *окно*. Вот его словарная статья:

(4) *ОКНО*

Основное значение.

1. 'Отверстие в стене здания для света и воздуха' (МАС, Т. II; 607).

Переносные значения:

2. 'Застекленная рама, закрывающая это отверстие'. (метонимия);

3. 'Подоконник'. *На окне лежало открытое письмо.* (метонимия);

4. 'Просвет, отверстие в чем-либо'. *В дамбе оставили окна для пропускания воды* (метафора);

5. 'Разрыв в расписании занятий' (метафора).

В традиционном подходе основное значение считается генетически первичным. На своем начальном этапе формирования оно внеположно языку, ср.:

Первый вопрос полисемии: что такое прямое и что такое переносное значение? Переносное значение любого типа объяснимо (мотивировано) через прямое, но прямое значение непроеизводных слов данного языка, где это слово существует, необъяснимо (...). Непроизводные слова прямого значения в том или ином языке даны, но необъяснимы; просто вот «это» по-русски надо называть *рот*, по-английски *the mouth*, по-французски *la bouche*, по-немецки *der Mund*, по-киргизски *ооз*, по-мордовски (мокша) *кура* и т. д. (Реформатский 1996: 44—45).

Аналогично, согласно когнитивной психологии, сначала у ребенка формируются простейшие и доязыковые базовые концепты («рот», «дерево», «вода»), а затем они получают имена — усваиваемые ребенком слова родного языка: *рот, дерево, вода*. Природа же производных (переносных) значений слова совершенно иная. Они отпочковываются от основного значения при посредстве универсальных механизмов метафоризации и метонимизации и возникают уже в языке и благодаря языку.

Универсальность для человеческого языка такой организации лексической полисемии подтверждается и ее наличием в языке глухонемых. Как пишет Л.С. Выготский:

... в языке глухонемых зуб может иметь три различных значения. Он означает белый, камень и зуб. Эти различные значения связаны в один комплекс, который в своем дальнейшем развитии требует присоединения еще указательного или изобразительного жеста, чтобы определить предметную соотнесенность данного

жеста (...) Глухонемой показывает зуб, а потом, указывая на его поверхность или изображая рукой бросание, указывает на то, к какому предмету должно быть отнесено данное слово (Выготский 1996: 166).

Легко видеть, что здесь значение 'зуб' жеста «зуб» является основным — оно не требует дополнительных жестов, а значения 'белый' (метонимия) и 'камень' (метафора) — переносными.

Из сказанного со всей очевидностью следует уникальность основного значения, невозможность его произвольной замены каким-либо переносным значением. Поэтому в традиционных толковых словарях в словарной статье слова первым дается основное значение, а за ним — переносные значения (часто в порядке уменьшения их частотности), с пометами: *перен.* (переносное) и др.

Например, у слова *цель* Словарь Ушакова, IV: стб. 1211 выделяет три значения.

(5) **ЦЕЛЬ**

Основное значение.

1. 'Мишень — объект для попадания при стрельбе или метании'. Оно фиксирует исходный «кусочек действительности».

Производные значения.

2. 'Мушка — небольшой выступ на конце ружейного ствола, используемый для прицеливания' (метонимия).
3. *перен.* 'то, чего человек хочет достигнуть' (метафора)².

Между тем во многих современных словарях, например, в словаре Longman 2009, принят совершенно иной принцип описания лексической многозначности: первым дается наиболее частотное значение, а далее все остальные значения в порядке убывания их частотности и без какого-либо выделения среди них основного и производных значений.

2. Концепция Московской семантической школы. Аналогичный современный подход развивается и в Московской семантической школе (МСШ). Согласно этому подходу, все значения слова однородны и генетически неразличимы. И основное значение (основная лексема) определяется не качественно — как исходное пред-

---

² Эти же три значения, причем в том же порядке, даны в Словаре Академии Российской, Часть VI, 1794, стб. 642—643; причем третье значение — «Намерение; конец, которого кто достигнуть желает» — предваряется пометой *, которая в первом томе словаря объясняется так: «Въ смыслѣ переносномъ» (Часть I, 1789, стб. XVI).

метное значение, описывающее фрагмент действительности, а статистически — как наиболее «актуальное, разработанное в данном языке», ср.:

У слова *цель* в большинстве толковых словарей русского языка первым дается значение ‘мишень, то, во что человек хочет попасть из какого-то оружия’, а вторым — ‘то, чего человек хочет добиться’. Однако... безусловное преимущество в современном языке имеет второе значение (оно наиболее «актуальное». — *А.К.*), и в активном словаре именно ему отдается первое место³.

За основной лексемой следуют другие лексемы слова (другие его значения. — *А.К.*) с учетом их семантической близости к основной лексеме и друг к другу (Апресян 2010: 72).

Как мы видим, в данном подходе традиционная система описания лексической многозначности и традиционная терминология изменяются самым радикальным образом, в частности, прежнему термину «основное значение» придается совершенно иной смысл. Основным называется наиболее «разработанное в языке» значение (оно обычно и самое частотное) независимо от его типа: абстрактное оно или конкретное, основное или переносное. Это значение и дается в активном словаре первым. За ним следуют остальные значения, отличающиеся от основного не типологически (как в традиционном подходе), а своей меньшей «разработанностью», т. е., как правило, меньшей частотностью в языке. Но располагаются они далее не в порядке убывания этой частотности, как в словаре Longman, а в порядке уменьшения их семантической близости к основному значению. Метафорические и метонимические связи во внимание не принимаются — они идут вразрез с постулируемой систематикой значений слова.

Рассмотрим словарную статью слова *цель*, предлагаемую в рамках МСШ.

(6) **ЦЕЛЬ**

Основная лексема.

1. ‘То, чего человек хочет достигнуть’.

Другие лексемы.

2. ‘Мишень — объект для попадания при стрельбе или метании’.
3. ‘Мушка — небольшой выступ на конце ружейного ствола, используемый для прицеливания’.

---

³ Аналогичным образом, в словарной статье слова *target* словаря Longman 2009: 1803 значение ‘мишень’ занимает (в соответствии с его частотностью) четвертое место.

Сравним эти две словарные статьи: традиционного подхода (5) и МСШ (6). Если в первом случае дается ясное и органичное объяснение феномена лексической многозначности и его микро-диахронии (механизмов образования из основного значения производных смыслов) то в словарной статье МСШ ничего подобного нет. Откуда появилось значение 1. 'То, чего человек хочет достигнуть'? Как с ним связано значение 3. 'Мушка'?

В рамках традиционного подхода этот вопрос получает естественное и понятное объяснение: метонимия называет **другой объект**, «смежный» с основным: на мушку, которую стрелок наводит на цель (мишень) метонимически переносится значение 'Мишень'. И никакого другого объяснения, на мой взгляд, здесь и быть не может. Если же отказаться от этого объяснения, как это делается в МСШ, то становится совершенно неясным, почему значение 'Мушка — выступ на конце ружейного ствола...' относится к системе значений слова *цель* и как оно связано с основным значением 'То, чего человек хочет достигнуть'.

Как мне кажется, это рассуждение также показывает, что вводимое в МСШ понятие «семантический мостик» — общий смысловой компонент, посредством которого данное значение слова должно быть связано с каким-то другим его значением, нерелевантно: у метонимического значения такого семантического мостика нет. Например во фразе *Кастрюля кипит* слово *кастрюля* называет совершенно иной объект — воду. Приводимые в Апресян 1974/1995: 178 разъяснения этого случая не кажутся нам убедительными. Но, если некоторые значения слова изолированы, т. е. не имеют семантических мостиков, то и вся концепция многозначности оказывается под вопросом (более подробно об этом см. ниже п. 8). В предлагаемом нами подходе общность переносным значениям слова придают не семантические мостики, а универсальные механизмы их образования, связывающие эти значения с основным значением.

Если в традиционном подходе семантическая категория слова имеет вид **ромашки**, то в МСШ это **список** значений. Информацией о том, откуда и как эти значения появились, он не снабжается. Сказанное означает, что подход МСШ ориентирован исключительно на фиксацию **синхронического** состояния лексической многозначности — на исчисление **набора текущих значений слова**. К такому описанию полисеманта можно было бы отнести слова А.А. Потебни:

Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания (Потебня 1976: 466).

Но и эта характеристика не вполне точна. В засушенном растении все-таки прослеживаются связи от корня к ветвям и листьям. А в лексикографических описаниях МСШ этого проследить нельзя.

3. Радиальная категория Дж. Лакоффа. Обратимся теперь к Дж. Лакоффу и его концепции радиальной семантической категории. Эта концепция представляет, в известном смысле, другую крайность в отношении традиционного подхода. В радиальной категории, как и в традиционном подходе, выделяется центральная субкатегория (аналог основного значения). От нее в разные стороны расходятся нецентральные субкатегории, которые порождаются из центральной категории, но «не существует общих и исчерпывающих принципов, которые могли бы обеспечить вывод нецентральных субкатегорий из центральной субкатегории» (Лакофф 2004: 489). Во-первых, описания связей между центральной и периферийными субкатегориями требуется *теория мотивации* (она не строится). А во-вторых, чтобы объяснить упомянутые выше связи требуются «все виды когнитивных моделей: пропозициональные, метафорические, метонимические и образно-схематические» (Там же).

Как мы видим, наряду с используемыми в традиционной теории метафорическими и метонимическими моделями здесь привлекается еще два общих вида моделей: пропозициональные и образно-схематические. Они и запутывают всю картину. Многое из того, что было просто и ясно в традиционной теории, становится сложным и туманным.

Вот, к примеру, как трактуются здесь значения слова *окно*. Согласно Дж. Лакоффу, они формируются на базе «идеализированной когнитивной модели», ср.:

В нашей когнитивной модели окна присутствуют как отверстие в стене, так и застекленная рама, вставленная в это отверстие. Эта связь обеспечивает мотивацию использования одного слова для обозначения и того, и другого. Взятые отдельно, застекленная рама и отверстие в стене имеют мало *общего* между собой, если они вообще имеют что-то общее. Если бы у нас не было знаний о том, как функционируют окна, у нас не было бы никаких оснований поместить два совершенно различных вида вещей в одну категорию. Тот факт, что отверстие в стене и застекленная рама были сведены вместе так, чтобы подходить друг к другу и соот-

ветствовать друг другу в одной когнитивной модели, объединяет их в одну когнитивную категорию — настолько тесно, что в употреблении слова *окно*, подобных тому, что приводятся ниже, эти два значения не различаются:

Сколько окон у вас в гостиной?

Здесь *окно* означает не отверстие или застекленную раму, но их объединение (Там же: 540).

Однако, как мы уже отмечали выше, приводя словарную статью (2) слова *окно*, написанную в духе традиционной теории, здесь имеет место типичная лингвистическая метонимия, которая непонятным образом проходит мимо внимания Дж. Лакоффа: название дыры в стене (а она — основное значение слова *окно*) переносится (по «смежности») на вставленную в эту дыру застекленную раму. Это вполне аналогично классической метонимии *Кастрюля кипит*, в которой глагол *кипит* переносится на смежный с кипящей водой предмет — кастрюлю.

Дж. Лакофф совершенно правильно говорит, что дыра в стене и рама образуют когнитивную модель, в рамках которой они тесно взаимосвязаны друг с другом. Но точно такую же модель образуют и кастрюля с кипящей в ней водой. Однако дело не в самой когнитивной модели. Плита, которая греет кастрюлю и воду, тоже тесно взаимосвязана с ними и входит в трехэлементную когнитивную модель: «плита — кастрюля — вода». Однако мы не можем в этом случае сказать *Плита кипит*. И причина здесь в том, что объекты — компоненты дуальной когнитивной модели — должны быть не просто «подходить друг другу и соответствовать друг другу». Они должны образовывать новую **системную целостность**, быть **функционально единым объектом**. Представим себе, что вода в кастрюле греется от опущенного в воду кипятильника, а не от плиты. В этом случае фраза *Кастрюля кипит* будет уже некорректной, хотя кастрюля и вода в ней по-прежнему «соответствуют друг другу»: кастрюля содержит и сохраняет налитую в нее воду.

Таким образом, здесь должна идти речь не просто о когнитивной модели, а особой, когнитивной-лингвистической, или метонимической модели, допускающей метонимическое именование. Иначе говоря, метонимический перенос слова именуется лишь особые дуальные когнитивно-лингвистические модели, в которых элементы смежны и образуют функциональную, а не только физическую целостность.

И что поразительно: несколькими страницами ранее Лакофф, описывая фразы типа *Билли — горячая голова*, совершенно правильно пишет, что слово *горячий* метонимически указывает на склон-

ность Билли быстро приходит в состояние раздражения и гнева. И здесь имеет место типологически та же когнитивно-лингвистическая модель. Она связывает (согласно народным представлениям) состояние гнева с повышением температуры тела, головы (*разгорячился, жаркий спор* и под.). Но Лакофф, указывая на метонимию, ни о каких когнитивных моделях здесь не пишет.

В другом месте описывается образование нецентральной категории посредством трансформации образных схем. Рассматривая фразы типа *Иван шел по дороге в лес* и *Дорога шла в лес*, Дж. Лакофф отмечает: в первом случае глагол описывает (длинную тонкую) траекторию, а во втором случае глагол относится к длинному тонкому предмету (дороге). Возникает трансформация образной схемы: СХЕМА ТРАЕКТОРИИ ↔ СХЕМА ДЛИННОГО ТОНКОГО ОБЪЕКТА. Она — констатирует Лакофф — один из многих видов когнитивных отношений, которые могут быть базой для расширения категории (Там же: 147).

На мой взгляд, и здесь гораздо естественнее считать, что глагол *идет*, имеющий основное значение во фразе *Иван идет по дороге*, метонимически (по смежности) переносится на дорогу: *Дорога идет*. Для пушей убедительности приведу «промежуточную» метонимию: *Следы Ивана идут вдоль дороги*.

4. Два требования к описанию семантической категории слова. Зададимся вопросом: какое описание семантической категории слова можно считать адекватным, отвечающим объекту описания? Вспомним тезис биолога Феодосия Добжанского (*Theodosius Dobzhansky*): «Ничто в биологии не имеет смысла, не будучи рассмотренным в свете эволюции» (Dobzhansky 1964: 449). В приложении к лексико-семантической категории, которую мы рассматриваем, этот тезис мог бы звучать так: «Ничто в синхроническом описании современной системы лексических значений слова не имеет смысла без микро-диахронического описания этой системы, объясняющего пути и механизмы ее образования».

Важно, однако, подчеркнуть, что для лингвистики в целом и семантики, в частности, тезис Добжанского важен, но недостаточен. Лингвистическое описание должно объяснять два важных процесса, которые нерелевантны для биологической эволюции, а именно: а) как в языке появляется новое узуальное значение слова, т. е. как у носителей языка почти одновременно формируется это новое значение и б) как ребенок, осваивающий родной язык, овладевает словом и его семантической категорией? Если описание семантической категории слова не содержит объяснительного потенциала, который

проливает свет на эти два процесса, оно не может, по моему мнению, считаться адекватным.

Ни одному из этих двух условий, очевидным образом, не удовлетворяет концепция Московской семантической школы. В ней нет микро-диахронических изысканий, она не объясняет процесса образования нового значения слова и она, наконец, не способна пролить свет на проблемы онтолингвистики.

Что касается концепции радиальной категории Дж. Лакоффа, в которой формирование каждой субкатегории (читай, производного значения) объясняется на базе центральной субкатегории и упомянутых выше механизмов, то и она условиям а) и б) не удовлетворяет. Дело в том, что она описывает семантическую категорию лишь ретроспективно: набор периферийных субкатегорий уже известен и она объясняет происхождение каждой из них. Но данная концепция не может на основе центральной категории и уже имеющихся нецентральных субкатегорий предсказывать возможное появление новых субкатегорий. Это неоднократно подчеркивает и сам Лакофф, ср.:

Во-первых... не существует общих и исчерпывающих принципов, которые могли бы обеспечить вывод нецентральных случаев из центрального случая. Во-вторых, для описания этих случаев необходима теория мотивации, поскольку нецентральные субкатегории не являются ни произвольными, ни полностью выводимыми (предсказуемыми) из центральной субкатегории. В-третьих, для такого описания требуется теория связей между центральными и нецентральными субкатегориями. В четвертых, при описании таких категорий выясняется, что для того, чтобы объяснить характер этих связей подробным и исчерпывающим образом, необходима экспериенциалистская теория значимого мышления и разума, а также все виды когнитивных моделей, которые мы перечисляли выше: пропозициональные, метафорические, метонимические и образно-схематические (Лакофф 2004: 489).

И только традиционная теория лексического значения, дополненная некоторыми положениями когнитивного характера, обещает стать адекватным описанием, удовлетворяющим всем трем введенным выше условиям.

5. Формирование в памяти носителя языка нового значения.

Одна из главных проблем здесь — объяснить, как человек усваивает новое значение, будь то новое слово или новое значение уже известного ему слова. Та легкость, с которой мы усваиваем слова бытовой лексики (они как бы сами собой пополняют наш активный лекси-

кон), не должна заслонять того факта, что значения слов не передаются от человека к человеку посредством их звучания. Новое слово входит в активный лексикон человека (как ребенка, так и взрослого) лишь постепенно, по мере того, как в его голове сформируется понятие, близкое к значению усваиваемого слова. Только после этого человек «схватывает» это слово и начинает его употреблять. Ср. сочувственно цитируемые Л.С. Выготским слова Л.Н. Толстого, объясняющего процесс обучения детей новым понятиям в яснополянской школе:

Раз ученик услышит или прочтет непонятное слово в понятной фразе, другой раз в другой фразе; ему смутно начнет представляться новое понятие, и он почувствует наконец случайно необходимость употребить это слово, — употребил раз, и слово и понятие делаются его собственностью (Выготский 1996: 189).

Предваряя эту цитату, Л.С. Выготский отмечает, что понятия не берутся ребенком в готовом виде и что Л.Н. Толстой «ярче и резче других осознал невозможность прямой и простой передачи понятия от учителя к ученику, механического перенесения значения слова из одной головы в другую с помощью других слов» (Там же: 188). Коротко говоря, появление в активном словаре человека нового слова предваряется постепенным созреванием в его памяти подходящего понятия, которое станет значением этого слова. Конечно, некоторые новые слова моментально усваиваются взрослыми, но лишь потому, что соответствующие понятия у них уже давно сформировались.

6. Основное значение и базовый концепт. Итак, перед нами стоит задача, опираясь на традиционную теорию полисемии, объяснить, хотя бы бегло, как у человека формируются новые значения.

Прежде всего, следует сказать, что основные и переносные значения слова формируются существенно различным образом. Основные значения, описывающие «кусочки действительности» образуются (по крайней мере на начальном этапе) вне языка, благодаря сугубо когнитивным процессам развития (они генетически первичны, см. цитату из А.А. Реформатского в п. 3), а переносные значения, напротив того, формируются при активном участии языка.

Начнем с основных значений. Главный наш тезис заключается в следующем: **основными значениями слов (видимыми компонентами значений) являются базовые концепты.** Напомним кратко: понятие *базовый концепт* — одно из центральных в когнитивной психологии. В рамках направления исследований, связанного с именами Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана, Дж. Лакоффа и др., было сде-

лано важное открытие, касающееся формирования у детей первичных категорий («Яблоко», «Человек», «Петух», «Обезьяна», «Стул»). На разнотипных примерах было показано (см. Лакофф 2004: 52—85), что родовые категории формируются у ребенка первыми и являются для него исходно понятными. Когнитивные единицы, задающие родовые категории, стали называть базовыми, или концептами базового уровня.

Иначе говоря, *базовый концепт* (далее просто *концепт*) — это общая характеристика родового класса, и шире, категории объектов. Опираясь на работы своих предшественников, Лакофф определяет концепт как «воплощенное (телесное) знание, непосредственно основанное на чувственном опыте человека, и прежде всего на его гештальтном восприятии и телесной моторике» (Там же: 12—13, 58—79). Это «знание» задает категорию как совокупность объектов, **а) которые имеют сходный облик (общую форму) и б) при взаимодействии с которыми люди используют сходные действия.** Коротко говоря, согласно Дж. Лакоффу, это базовый концепт это пара: «Общая форма предмета — набор типичных действий с ним, или же набор его типичных действий, если это живое существо».

Согласно другой традиции когнитивных исследований, в основе базовых концептов человека (ребенка) лежит двухкомпонентная структура «форма — функция» (Mervis 1987; Rakison 2000). Можно думать, что это, в сущности, одно и то же: типичные действия как раз и реализуют типичные функции. Мы, однако, считаем необходимым объединить эти точки зрения и определить базовый концепт как тройку: «Общая форма — Типичные действия — Стандартные цели». Дело в том, что у одного и того же физического действия, особенно, если это человеческое действие, могут быть разные цели, как альтернативные, так и совмещенные. Поэтому физическое действие и цель следует разделить. Однако далее, говоря о базовом концепте, мы будем иметь в виду только первые два его компонента: «Общая форма — Типичные действия», поскольку прежде всего они служат основой для образования переносных значений слова.

Еще одно важное наблюдение: в работах Э. Рош, Дж. Лакоффа и др. постоянно подчеркивается, что «дети усваивают **имена вещей на этом (базовом) уровне раньше всего**» (Там же: 55—56). Следовательно, первые слова, которые дети усваивают, называют именно базовые концепты. Это обстоятельство и служит одним из оснований считать базовые концепты основными значениями знаменательных слов.

Формирование базовых концептов начинается у ребенка с самого раннего возраста и к 12 месяцам у него появляются так называемые

сортальные (видовые) концепты — первый этап образования базовых концептов (Xu and Carey 1996; Xu 2007). Эти сортальные концепты и становятся теми исходными когнитивными единицами, к которым, подобно этикеткам, «приклеиваются» первые детские слова. К двух-трехлетнему возрасту ребенка они развиваются в полноценные базовые концепты, близкие к концептам взрослых⁴.

6.1. Основное значение. Итак, базовый концепт, т. е. пара «**Общая форма — Ее типичные действия**» и **представляет собой**, в самом первом приближении, **основное значение слова**. Но как понять эту пару? Что это такое в реальности, например, для слова *обезьяна*? Анализ образования переносных значений слова (см. ниже) дает основания предполагать, что базовый концепт ОБЕЗЬЯНА представляет собой нарезку видеоклипов, изображающих типичные действия обезьяны (это элементарные события-действия, введенные в п. 1 при описании глагола *ударить*). С одной стороны, их объединяет общая форма (типичный облик) обезьяны, с другой стороны, они представляют ее жесты, движения, позы, гримасы, крики и пр. Такой набор визуально-акустических «клипов», хранящихся в памяти человека, мы будем называть базовым концептом ОБЕЗЬЯНА и считать основным значением слова *обезьяна*. Его можно изобразить так, см. рис. 2.

Это основное значение появляется у ребенка понятным образом. Он с самого раннего возраста видит различные изображения обезьян: в книгах, в фильмах, наблюдает их в зоопарке и пр. И у него складывается набор живых визуально-акустических образов обезьяны — животного определенного вида, которое очень похоже на человека, но также и отлично от него и от других животных рядом черт, которому свойственны некоторые специфические виды действий (ходит на задних лапах, использует передние лапы как человек

---

⁴ Подытоживая исследования Э. Рош и К. Мервис, Дж. Лакофф констатирует: дети в совершенстве «овладевают категоризацией базового уровня к трем годам» (Лакофф 2004: 75). Ср. аналогичный тезис Л. С. Выготского: «Лишь к трем годам восприятие ребенка максимально приближается к восприятию взрослого человека. Это приближение создается во всяком смысловом, или предметном восприятии» (Выготский 2005: 158). Обращаясь к детям более раннего возраста, Лакофф подчеркивает, что у двухлетних детей базовая категоризация уже существует и основывается на тех же принципах, что и категоризация взрослых. Однако она лишь приблизительно соответствует последней — детские базовые категории могут быть шире или уже взрослых (Там же: 76). Сошлемся также на сходную точку зрения Д. Ракисона (Rakison 2000: 80—81).

использует руки, лазает и прыгает по деревьям, хватаясь за ветви и руками и ступнями ног, как руками, имитируют действия человека и пр.). Параллельно ребенок слышит слово (звуковой комплекс) *обезьяна* и видит, что окружающие называют им это животное, при любых его действиях. В результате, у ребенка возникает устойчивая ассоциация, связывающая этот звуковой комплекс с совокупностью типичных визуально-звуковых образов (клипов) обезьяны, т. е. с базовым концептом ОБЕЗЬЯНА. Звуковой комплекс становится именем (этикеткой) этого базового концепта, а он — первичным основным значением слова *обезьяна* (далее это значение будет развиваться). Теперь ребенок может активно использовать это слово, называя им наблюдаемых или вспоминаемых обезьян. Слово *обезьяна* пополняет его активный лексикон, но пока только в единственном, основном значении.

ОСНОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ОБЕЗЬЯНА —
ЭТО БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ ОБЕЗЬЯНА, т. е.
НАБОР “ЖИВЫХ КАРТИНОК” (“ВИДЕОКЛИПОВ”)
ТИПИЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБЕЗЬЯНЫ:

ОБЕЗЬЯНА СТОИТ / ЕСТ / ЛЕЗЕТ НА ДЕРЕВО / ПРЫГАЕТ ПО ВЕТВЯМ /
РАСКАЧИВАЕТСЯ НА ВЕТКЕ / СПИТ НА ДЕРЕВЕ / ЖЕСТИКУЛИРУЕТ /
ПЕРЕДРАЗНИВАЕТ ЛЮДЕЙ / УСТРАИВАЕТ ХАОС В ДОМЕ /
СТРОИТ ГРИМАСЫ / ЧЕШЕТ ЛЕВОЕ УХО ПРАВОЙ РУКОЙ /
ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ, ПРОСЯ ЕДУ /
ИЗДАЕТ ХАРАКТЕРНЫЕ ВОКАЛИЗАЦИИ / И ПР.

ВИДЕОКЛИП “ОБЕЗЬЯНА СТОИТ”

Рисунок 2. Базовый концепт ОБЕЗЬЯНА.

6.2. Лингвистическая трактовка основного значения. Традиционная семантическая теория определяет основное значение слова через **толкование** «кусочка действительности» (В.В. Виноградов), т. е. представляет это значение как вербальную характеристику — фразу, описывающую набор важнейших свойств референтов. Эти свойства заданы словами, т. е. исходно хранятся в памяти носителя языка в вербальном виде. Иначе говоря, это структура (в теории МСШ — ориентированный направленный граф) слов языка, задающих систему дискретных признаков референта.

Приведем для примера два толкования основного значения слова *обезьяна*.

Обезьяна (Monkey) = ‘Небольшое животное с коричневой шерстью, длинным хвостом, использующее свои руки, чтобы лазать по деревьям: живет в жарких странах’ (Longman 2009: 1128).

Обезьяна = ‘Четверорукое млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела’ (Словарь Ушакова, Т. II: стб. 629).

Мы же считаем, что **основное значение слова** должно представляться не системой дискретных, вербально заданных признаков референта, а **набором непрерывных визуально-акустических «живых действий» референта**. Как мне кажется, такое представление основного значения слова, дает новый, когнитивный импульс развитию традиционной лексикографической теории.

Зададимся вопросом: насколько предложенный поворот в понимании значения слова приемлем для классической семантики? В первых, как мы видим, каждое из приведенных толкований это не что иное, как лаконичное описание внешнего вида обезьяны и некоторых характерных ее действий или способностей (четыре руки).

Во-вторых, имеются «встречные» трактовки основного значения, данные известными лингвистами, которые, в известном смысле, близки к нашей трактовке. Приведем три из них.

Д.Н. Шмелев. Произнося какое-либо слово, мы вызываем в сознании **образ** какого-то определенного **предмета** (действия, явления, признака) ...

В основе значения каждого знаменательного слова лежит именно **понятие**, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности, т. е. такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в классы (Шмелев 1977: 60).

Н.Д. Арутюнова. ... идентифицирующие имена в известном смысле соответствуют **образу предмета** или **стереотипу** класса. Когда мы слышим такие имена, как *ель, медведь, песок, дерево...* перед нашим мысленным взором прежде всего встает **внешний облик, картинка, изображающая очень обобщенный образчик соответствующего класса естественных или иных объектов...** (Арутюнова 1999: 22—23).

Ю.С. Маслов. Важнейшую часть лексического значения, его, так сказать, ядро составляет у большинства знаменательных слов мыслительное отображение того или иного явления действительности, предмета (или класса предметов) в широком смысле (включая действия, свойства, отношения и т. д.) (Маслов 1987: 91).

Эти определения косвенно поддерживают выдвинутой тезис о перцептивной образной природе основного значения, ср.: оно «вызывает в сознании образ предмета» (Шмелев), «перед нашим мысленным взором прежде всего встает **внешний облик, картинка**» (Арутюнова), «слов мыслительное отображение того или иного явления действительности» (Маслов). Но тем не менее, подчеркивается, что «это понятие, содержащее существенные **признаки** отрезка действительности» — не его набор целостных образов (кусочно-непрерывных характеристик), а набор отдельных признаков (набор дискретных характеристик).

7. Объяснительный потенциал традиционной теории полисемии. Подведем краткий итог. Проведенные выше рассуждения позволяют по крайней мере в общих чертах объяснить процесс образование у человека (ребенка и взрослого) новых значений. Базовые концепты формируются у ребенка в результате взаимодействия двух факторов: внутреннего — его когнитивного развития, и внешнего — той конкретной предметной реальности, которая его окружает. В процессе освоения родного языка эти возникающие в памяти ребенка концепты получают имена (ярлыки), и превращаются в основные значения слов его родного языка. Содержательно язык к процессу формирования основных значений отношения не имеет. Вспомним упоминавшийся выше тезис А.А. Реформатского: «Непроизводные слова прямого значения в том или ином языке даны, но необъяснимы; просто вот «это» по-русски надо называть *рот*, по-английски *the mouth...*».

Теперь становится понятным, каким образом, посредством традиционной семантической теории можно объяснить формирование у ребенка и взрослого всех значений слов его лексикона. Основные значения слов (базовые концепты) формируются помимо языка — благодаря когнитивным и мыслительным процессам (перцептивному

восприятию и его осмыслению), а переносные значения образуются уже при непосредственном участии языка — путем применения к базовым концептам универсальных метафорических и метонимических механизмов. Например, взрослый человек впервые увидел бумеранг и понаблюдал за его действием. В его активном лексиконе появилось новое слово *бумеранг*, именуемое образовавшийся в его памяти новый базовый концепт БУМЕРАНГ (визуальные демонстрации его использования). А затем, он образовал от этого концепта новое переносное (метафорическое) значение, употребив данной слово во фразе типа *Эта грубость вернулась Ивану бумерангом уже на следующий день*.

Добавим к этому, что механизмы метафоризации и метонимизации начинают проявляться у ребенка уже вскоре после 12 месяцев — начала произнесения им первых слов (Кошелев 2013б: 735—739). Можно полагать, что они относятся к сфере его генетически обусловленных знаний и навыков. Воспринимая речь окружающих, в том числе и употребление ими слов в переносных значениях, ребенок начинает применять свои собственные механизмы метафоризации и метонимизации к основным значениям усвоенных им слов. Тем самым в голове ребенка постепенно «оседают» узуальные переносные значения слов. Его лексикон становится многозначным, т. е. в полном смысле человеческим. В полной мере эти механизмы актуализируются в после 2-3-хлетнего возраста, когда базовые концепты ребенка сближаются с концептами взрослых (это отмечают Дж. Лакофф и Д. Ракисон и ранее отмечал Выготский, см, выше). С этого возраста ребенок формирует полноценные переносные значения известных ему слов, — значения, которые он никогда раньше не слышал. Вот два примера метафор, «изобретенных детьми», которые приводит К. Бюлер:

Die suppe hat den Schnupfen ‘У супа насморк’ и *Der Schmetterling strickt Strümpfe* ‘Бабочка вяжет чулки’. В первом случае на поверхности супа в тарелке возник пузырь, а во втором случае бабочка попеременно скрещивала свои длинные усики, то слева направо, то справа налево точно также, как это делают бабушки своими длинными вязальными спицами (Бюлер 1993: 318).

Разработка проблем корректного применения в языке механизмов метафоризации и метонимизации послужит, как мне кажется, важным когнитивным стимулом к дальнейшему развитию традиционной теории полисемии.

8. Как порождаются окказиональные употребления слов?

Проиллюстрируем на одном примере наше утверждение о том, что основным значением слова действительно является базовый концепт, точнее, набор «живых картинок», или видеоклипов референтов слова, а не система вербальных семантических признаков, собранных в лингвистическом толковании слова, или, более строго, в связанном направленном графе (по Мельчуку).

Для этого обратимся к проблемам образования переносных значений. Обратимся сначала к подходу МСШ. В нем постулируется существование у переносного значения слова общего компонента с каким-либо другим значением этого же слова⁵. Это, в частности, означает, что метафорическое значение слова должно иметь какой-то общий компонент с основным (мотивирующим) значением. Между тем в лексикографии хорошо известны случаи, когда некоторые метафорические значения слова не обнаруживают какой-либо связи с мотивирующим значением. Тем самым возникает противоречие с упомянутым выше определением лексической многозначности, ср.:

Сложнее обстоит дело с такими метафорически мотивированными значениями, словарное толкование которых не обнаруживает даже частичного сходства со словарным толкованием исходного значения; это — случай уподобления на основе семантических ассоциаций, или коннотаций, ср. ... *Молния сверкнула — Редколлегия выпустила молнию* (Апресян 1974/1995: 179).

Предлагаемый Ю.Д. Апресяном выход из этой ситуации состоит в следующем:

... в достаточно полном словаре словарная статья должна в принципе иметь прагматическую, или коннотативную зону, в которой записываются семантические ассоциации слова в данном значении. В частности, в прагматической зоне словарной статьи *молния 1* = 'разряд атмосферного электричества' записываются семантические ассоциации 'быстрота', 'блеск'. Тогда, в соответствии с практикой толково-комбинаторного словаря, *молния 2* = 'срочно выпускаемая стенная газета, посвященная важному событию — как бы *молния 1* по коннотации быстроты' (Там же).

⁵ Это требование является прямым следствием принятого в МСШ определения лексической полисемии, см., например, приводимое Ю.Д. Апресяном «обычное определение лексической многозначности как способности слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений, если понимать под связностью наличие в их толкованиях общих компонентов» (Апресян 1974/1995: 178).

Данный выход, однако, «не спасает». Чтобы убедиться в этом, рассмотрим ряд примеров метафорического употребления слова *обезьяна*.

Приведем сначала словарную статью этого слова *обезьяна*, взятую из Словарь Ушакова, Т. II: стб. 629, дополненную 4-м и 5-м значениями, взятыми из других словарей.

Обезьяна.

Основное значение.

1. 'Четверорукое млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела'.

Переносные узуальные значения.

2. *перен.* 'Человек, склонный к подражанию другим или передразниванию других // тот, кто гримасничает, кривляется' (метафора);
3. 'Очень некрасивый человек' (метафора);
4. 'Бестактный «дикий» человек' (метафора). — *Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?* (А. Островский);
5. *Спец.* 'Мехнутри, выделанный под обезьяний' (метонимия).

Значения 1-5 являются узуальными. Они даются в толковых словарях. Наряду с ними имеется множество окказиональных («мимо-летных») употреблений этого слова: 6) 'Сутулый диннорукий человек', 7) 'Аномально волосатый человек', 8) 'Человек, живущий на дереве', 9) 'Человек, чешущий левое ухо правой рукой', 10) 'Человек, состроивший обезьянью гримасу' и т. д.

Согласно традиционному подходу все переносные значения, а также и окказиональные употребления образуются на базе основного значения. Однако, легко видеть, что приведенному выше определению лексической многозначности они не удовлетворяют. По существу, ни одно из переносных значений 2-5 не имеет с основным значением 1 общих семантических компонентов. Это положение можно исправлять двумя путями: дополняя каждый раз толкование основного значения, или его коннотативную зону. Так,

для обоснования значения 2. 'Человек, склонный гримасничать, кривляться, или передразнивать других' необходимо добавить характеристику 'склона гримасничать, кривляться, или передразнивать других';

для значения 3. 'Очень некрасивый человек' — характеристику 'лицо обезьяны напоминает карикатуру человеческого лица';

для значения 4. 'Бестактный «дикий» человек' — характеристику типа 'находясь в человеческом доме обычно ведет себя неуправляемо, хаотично'. Совершенно аналогичная ситуация и с окказиональными употреблениями.

Для обоснования употребления 'Сутулый диннорукий человек' требуется основное значение или его коннотативную зону дополнить компонентом 'внешне схожа с сутулым длинноруким человеком';

для обоснования значения 'Человек, чешущий левое ухо правой рукой' — компонент 'Обезьяна иногда чешет левое ухо правой рукой' и т. д.

Но и здесь возникают проблемы. Как, например, обосновать значение 'Человек, сооривший обезьянью гримасу'? Поместить в коннотативную зону подробное описание типичной обезьяньей гримасы?

9. Проблема «списка» мотивирующих свойств. Поскольку мы легко образуем окказиональные употребления слова *обезьяна*, все упомянутые выше и многие другие свойства обезьян — характерные детали внешности и поведения обезьян — хранятся в нашей памяти. Но в каком виде они там хранятся? Вряд ли в виде отдельного списка (в коннотативной или прагматической зоне). Ведь мы не можем исчислить наперед, т. е. задать закрытым списком **все** метафорически продуктивные свойства обезьян. Новый объект-референт всегда может «высветить» новое, более редкое свойство, не встречавшееся ранее. Так, приведенный выше ряд метафор можно продолжить: говорящий может назвать *обезьяной* мальчика, быстро взбирающегося на мачту парусника, человека в толпе, голова которого по форме схожа с головой обезьяны (низкий лоб, непропорционально большая челюсть и пр.) или человека, передвигающегося характерными для обезьяны прыжками и т. д., и т. п. А в Словарь Даля, Т. 2: 578 в словарной статье слова *обезьяна* отмечается, к примеру, такое свойство: «обезьяниться — любезничать, волочиться, миловаться». Подчеркнем: если одни свойства, например характерные черты облика обезьяны, очевидным образом являются метафорически продуктивными, то другие, к примеру, густая шерсть, совершенно не выделяются в указанном смысле, и потому их метафорическая продуктивность априори непредсказуема.

Наша гипотеза состоит в том, что **мотивирующее метафору свойство говорящий (а за ним и слушающий) извлекает непосредственно из хранящихся в их памяти визуальных «клипов» обезьян** (или, коротко говоря, из концепта ОБЕЗЬЯНА). Ведь визуальные клипы обезьяньих действий, повадок, жестов и пр. содержат в принципе бесконечное множество их характеристик. Тем самым легко объясняется способность говорящего порождать, а слушающего понимать **потенциально бесконечное** число различных окказио-

нальных употреблений этого слова. Конечно, здесь важно также иметь в виду сугубо человеческую способность вычленять то или иное дискретное свойство из непрерывного визуального образа.

Итак, поскольку список типичных свойств обезьяны, способных мотивировать метафору, весьма разнообразен и потенциально бесконечен, лишь набор живых визуально-акустических образов обезьяны (ее базовый концепт) способен хранить **все** эти **свойства**. А значит, этот набор клипов и составляет ядро основного значения слова. Понятно, что никакое лингвистическое толкование, даже дополненное коннотативной зоной, не способно выполнять указанную мотивирующую функцию для порождения всех возможных метафор.

10. Традиционная функция лексических толкований. Зададимся вопросом: ну, а что же толкования? Они больше не нужны? Вовсе нет, они, по-прежнему, нужны. Просто им следует вернуть их традиционную функцию: не **представлять значение**, а **указывать на него**. Словарные толкования всегда служили семантическими ярлыками (идентификаторами) для значений (концептов), которые **независимо** от них хранятся в памяти человека. В некотором смысле толкования можно уподобить инструкциям по применению лекарства. Есть название лекарства (имя), есть само лекарство (значение), а есть еще инструкция, состоящая, подобно толкованию, из ряда зон. Тем, кто хорошо знает лекарство, и его использовал, никакая инструкция по его применению не нужна. Тем же, кто его не знает и не использовал, она необходима. Но, конечно же, никакая инструкция, сколь бы подробна она не была, не может заменять само лекарство, репрезентативно его представлять. Сейчас пишут очень подробные инструкции, но их полностью мало кто читает. Врачам они не нужны, а пациентов интересуют лишь 2—3 зоны: от чего, как принимать и с чем не сочетается.

Из сказанного следует, что в электронном словаре, претендующем не на указание (идентификацию), а **на представление лексических значений**, словарная статья слова *обезьяна* должна прежде всего содержать а) набор характерных для обезьяны видеороликов — это видимая компонента основного значения, и б) текст, поясняющий действия, повадки, жесты обезьян — то, что не вычитывается непосредственно из этой видимой составляющей. Это — третья, мыслимая компонента основного значения (см. п. 6).

11. Механизмы образования метафор и метонимий. Коснемся данных механизмов и покажем, что их работа, во-первых, подчине-

на строгим правилам, а во-вторых, непосредственно связана с представлениями знаний действительности, хранящимися в памяти носителя языка.

Начнем с метафоры. Ее порождение это не просто «ассоциативный перенос по сходству». Метафора образуется по весьма строгим правилам. В самом деле, мы не назовем метафорически словом *шар* яйцо, хотя ассоциативная связь между ними (оба круглые) очевидна. И причина в том, что круг и эллипс, шар и эллипсоид воспринимаются нами как **различные, несходные** формы, несмотря на их «округлость». Аналогично мы не назовем метафорически словом *собака* кошку, хотя кошки очень схожи с собаками⁶. Несмотря на эту общую схожесть, их формы также воспринимаются нами как существенно различные. Следовательно, сходство по форме должно быть весьма близким. Примером такого сходства служит метафорическое значение слова *собака* в словосочетании *Енотовидная собака*. Это животное из семейства псовых, т. е. близкое к собаке, но не собака, см. рисунок.

Рисунок 3. Енотовидная собака.

⁶ Конечно, можно в сердцах сказать о кошке *Ах ты, собака*, но это уже будет перенос не по образному сходству, который здесь обсуждается. Эту фразу можно также отнести и к свинье, и человеку, и к гусю. Ср. анекдот (сообщен мне М.В. Ляпон). Немец, изучавший русский язык, приехал в российскую деревню проверить свои знания. В первый же день он встретил старушку, которая гнала гусей, крича им вслед: «Пошли вон, козлы поганые!» — «Бабушка, — спрашивает он, — почему ты гусей называешь козлами?» — «Да потому, что эти свиньи весь мой огород истоптали, собаки!».

С другой стороны, метафорическое сходство форм не должно быть слишком уж близким. Как подметил Л. Блумфилд, львов и тигров можно назвать кошками, но волков нельзя назвать собаками (Блумфилд 2002: 156). Объяснение этого неожиданного запрета мы видим в следующем. Метафора может называть лишь объекты, относящиеся к **другой категории**, отличной от категории объекта-источника. Львы и тигры по форме очень похожи на кошек, но очевидно, что это не кошки, а волк — по внешнему виду неотличим от собаки. В этом плане енотовидная собака, напротив, не слишком похожа на типичных собак и потому допускает метафоризацию.

Сказанное со всей очевидностью свидетельствует о том, что в рамках толкований, без обращения к визуальным образам предметов (источника и цели), связанных метафорой, невозможно строить корректные метафоры.

Порождение метонимии тоже не является просто «ассоциативным переносом по смежности». Говорящий может правильно употребить метонимию *Кастрюля кипит* только удостоверившись в наличии функционального взаимодействия кастрюли и кипящей в ней воды (если воду греет плита, на которой стоит кастрюля, а не опущенный в воду кипятильник). Аналогично, увидев тарелку с большим, целым куском сыра, говорящий никогда не употребит метонимию *Тарелка сыра*, поскольку сыр и тарелка, хоть и смежны, но не образуют функциональной целостности. Однако, если тот же кусок сыра порезан мелкими кусочками и заполняет всю тарелку, метонимия становится корректной, поскольку функциональное взаимодействие возникло. И здесь никакие толкования не способны решить эту семантическую проблему корректности метонимии. Она решается только при осмыслении взаимодействия «живых образов» тарелки и помещенного в нее сыра: образуют они функциональную целостность или нет. Как показывают интроспективные наблюдения, так и поступают носители языка. При порождении и восприятии окказиональных значений слов они оперируют визуальными образами описываемых словами референтов, а не их толкованиями (вербальными описаниями).

12. Заключение. Подведем краткий итог. Как мы стремились показать, только традиционная теория лексической многозначности способна удовлетворить всем трем условиям описания семантической категории слова — его узуальных (основного и переносных) значений и окказиональных употреблений.

Напомним эти условия. Описание семантической категории слова должно:

- 1) объяснять микро-диахронию образования переносных значений и употреблений слова;
- 2) способствовать объяснению процесса появления в языке нового узусального значения слова, т. е. процесса формирования у носителей языка этого нового значения;
- 3) служить основой для объяснения того, как ребенок, осваивающий родной язык, овладевает новым словом и его семантической категорией.

Дополненная несколькими когнитивными положениями, традиционная теория полисемии оказывается способной удовлетворять всем этим условиям. Во-первых, в ней типологически различается основное значение — базовый концепт, формирующийся вне языка, и остальные значения и употребления слова, образующиеся уже в языке благодаря универсальным, общечеловеческим механизмам метафоризации и метонимизации, работающим по вполне строгим правилам на базе основного значения. Во-вторых, благодаря этим механизмам и базовому концепту — набору видео-акустических клипов (или элементарных событий), изображающих действия референтов слова — удастся объяснить важнейший механизм, обеспечивающий семантическое движение языка, а именно: образование окказиональных употреблений слова (подробнее об этом см. Кошелев 2012: 303—306). Тем самым становится понятным образование новых переносных значений слова (условия 1 и 2).

Кроме того, ребенок с самого раннего возраста (примерно с 12-ти месяцев) начинает активно употреблять первые слова родного языка в их основных значениях (формирующимся у него базовым концептам он присваивает слова, которые слышит от старших (см. об этом также в Кошелев 2013б: 12). И вскоре после этого он уже начинает использовать механизмы метафоризации и метонимизации, употребляя только что усвоенные слова в переносных значениях. Причем, операционально эти механизмы применяются вполне корректно — к основным значениям своих слов. Проблемы с итоговой корректностью детских метафор и метонимий возникают лишь потому, что система их базовых концептов еще не сформирована (Кошелев 2013а: 735—739). Но к трем годам, когда ее формирование заканчивается, детские переносные значения становятся правильными, см. примеры в конце п. 7. Тем самым получают объяснение процессы формирования у

ребенка переносных значений усвоенных им слов, а также его умение образовывать окказиональные употребления (условие 3).

Литература

- Апресян Ю.Д. 1974/1995. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М. 2-е изд.: Избранные труды. т. 1. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.
- Апресян Ю.Д. 2010. Введение // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.
- Блумфилд Л. 2002. Язык. М.
- Бюлер К. 1993. Теория языка. М.
- Виноградов В.В. 1977. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М. 162—189.
- Выготский Л.С. 1996. Мышление и речь. М.
- Выготский Л.С. 2005. Психология развития ребенка. М.
- Словарь Даля — Владимир Даль. 1881. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. — М., Т. 1—4.
- Зализняк Анна А. 2001. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания 2. 13—25.
- Кошелев А.Д. 2011. Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Ю.Д. Апресяна. М. 695—735.
- Кошелев А.Д. 2012. Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узуальных смыслов) // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М. 301—329.
- Кошелев А.Д. 2013а. Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // У.Т. Фитч. Эволюция языка. М. 680—767.
- Кошелев А.Д. 2013б. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня // Известия РАН. Серия языка и литературы 72(6). 3—22.
- Лакофф Дж. 2004. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.
- МАС 1988 — Словарь русского языка в четырех томах. 1988. Т. I—IV.
- Маслов Ю.С. 1987. Введение в языкознание. М.
- Пауль Г. 1960. Принципы истории языка. М.
- Потебня А.А. 1976. Эстетика и поэтика. М.
- Реформатский А.А. 1996. Введение в языкознание. М.
- Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка / Ред. Д.Н. Ушаков. М., 1934—1940. Т. 1—4.

- Шишков А.С. 1803/2010. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб. 1803; 2-е изд., испр.: М. 2010.
- Шайкевич А.Я. 2005. Введение в лингвистику. М.
- Шмелев Д.Н. 1977. Современный русский язык: Лексика. М.
- Brugman C. and Lakoff G. 1988. Cognitive topology and lexical networks // S.L. Small, G.W. Cottrell, M.K. Tanenhaus (eds.) *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo. 477—508.
- Dobzhansky T. 1964. Biology, molecular and organismic // *American Zoologist* 4(4). 443—452.
- Longman — Longman Dictionary of Contemporary English. 2009. 5-th ed. Printed in Italy.
- Mervis C.B. 1987. Child-basic object categories and early lexical development // U. Neisser (ed.) *Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization*. N.Y.: Cambridge Univ. Press. 201—233.
- Norvig P. and Lakoff G. 1987. Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: BLS. 195—206.
- Rakinson D.H. 2000. When a Rose Is Just a Rose: The Illusion of Taxonomies in Infant Categorization // *Infancy* 1(1). 77—90.
- Xu F. and Carey S. 1996. Infants' metaphysics: the case of numerical identity // *Cognit. Psychol.* 30. 111—153.
- Xu F. 2007. Sortal concepts, object individuation, and language // *Trends in Cognitive Sciences* 11. 400—406.